

Иоганн Готфрид Лангерманн

Сложно сказать, долго ли мечты Рейля про образцовую психиатрическую клинику оставались бы мечтами, если бы не сыскался в Германии человек, готовый (и надо же — имеющий такую возможность!) воплотить их в реале.

Иоганн Готфрид Лангерманн родился 8 августа 1768 года в деревушке Максен, что на горном плато неподалёку от Дрездена. Отец, довольно крепко стоящий на максенской земле фермер, возжелал для чада лучшей доли, и отправил его после церковной школы Дрездена да напрямиком в университет Лейпцига, изучать богословие и юриспруденцию. Там, правда, поддался Иоганн, крестьянский сын, студенческим соблазнам да идеям новомодным, взыграло в нем ретивое, воззвал он к реформе университета — и был вынужден покинуть оный, поскольку студенту внятно растолковали, что здесь ему не тут, и вообще пусть ищет десять отличий Лейпцига от Парижа. Желательно где-нибудь подальше.

Пришлось спешно мазать пятки шпигом и перебираться в Йену: там тоже университет, но нравы посвободнее (вернее, про Иоганновы художества ещё не в курсе). В Йенском университете Лангерманн забил на богословие и увлёкся философией, а чуть позже, познакомившись с личным врачом короля Пруссии, убеждённым виталистом и организатором создания первого в Германии морга, Кристофом Вильгельмом Хуфеландом, понял: медицина — это его. А что находится на стыке философии и медицины? Психиатрия, естественно. И в 1797 году Лангерманн пишет диссертацию на тему современных методов диагностики и лечения в психиатрии. И защищает её, получив степень доктора медицины.

После университета Иоганн начинает было врачебную практику в баварском Байройте, но вскоре ему предлагают местечко поинтереснее: в Торгау, в магазин игрушек... простите, в местный сумасшедший дом (он же по совместительству был местной тюрьмой) понадобился заведующий. Лангерманн согласился: новые места, интересные люди, рост в зарплате и карьере, момент надо ловить. И так образцово он организовал службу по уходу и надзору за заключёнными и душевнобольными, что его заметил тогда еще министр иностранных дел, а в недалеком будущем — канцлер Пруссии Карл Август фон Харденберг.

В 1803 году Харденберг делает Лангерманну предложение, от которого тот просто не может (да и не хочет, если уж на то пошло) отказаться: надо, говорит, реорганизовать дурдом в Байройте. А то ведь прямо бедлам какой-то, а не серьёзное государственное учреждение! Йа-йя! — охотно согласился Иоганн Готфрид, — Орднунг ист дас хальбе лебен! Сделаю всё в лучшем виде! И через год предоставляет Харденбергу подробнейший проект. А ещё через год, в феврале 1805 года Карл Август, ознакомившись со всеми пунктами генплана и согласившись с большинством из них, сообщил Лангерманну, что инициатива имеет инициатора и что командовать дурдомом будет он, раз уж такое громадьё планов накреативил.

Первое, что делает Иоганн Готфрид, — отправляет всех хроников из клиники Байройта в другое заведение неподалёку — Швабах. А в клинике оставляет и принимает на лечение только свежие случаи помешательства. Заодно приводит в порядок сам комплекс строений, прилежащую территорию — и начинает приводить в соответствие со своими планами персонал больницы. Причём с последним пунктом у него дело пошло как бы не труднее, чем с двумя первыми, вместе взятыми. Ведь, по сути, служба создавалась с нуля, если не с откровенного минуса: ни психиатров, ни санитаров, ни медицинских братьев-сестёр. А те, что уже были в лечебнице, откровенно не годились — по причинам, о которых я выше уже писал. Сам Лангерманн про кадровый голод выразился так:

«Чем думать, что можно из числа обыкновенных, дюжинных людей создать врачей и служащих для таких лечебниц — лучше совсем не приниматься за это дело и все оставить по-прежнему».

Его не понимали. Ему откровенно мешали и даже порой вредили — но клинику в Байройте, на фоне прочих германских заведений для сумасшедших, стали называть так, как и хотел Иоганн — «психологическим санаторием для душевнобольных» — и по сути дела, им она и являлась. Будучи в курсе реформ, проведённых Пинелем, Иоганн настоял, чтобы и в Байройте больных освободили от оков и цепей. И это при том, что условия в клинике были далеки от тепличных, а сам Лангерманн, допуская причиной помешательства нравственное и умственное падение человека, учил, что душевнобольных необходимо иногда наказывать, поскольку

«... [слишком пассивное отношение] к нелепым и злобным выходкам некоторых помешанных заставляет их делаться все хуже и хуже; однако строгость должна быть пускаема в ход с выдержкой, спокойствием и отеческой добротой».

В 1810 году Карл Август фон Харденберг, став канцлером Пруссии, вспоминает про Лангерманна и забирает его в Берлин: дескать, в Байройте уже всё налажено, без тебя там дураки обойдутся, а мне нужен советник в министерстве внутренних дел, а заодно и профессор медицины — студентов надо кому-то учить настоящим образом. Прусской медициной, опять же, заведовать. В дальнейшем под присмотром Лангерманна откроют ещё две психиатрические больницы, организованные должным образом: в Зигбурге, в 1825 году, и в Лейбусе, в 1830 году.